

Не прятаться от истины

Иван ЧАРОТА, доктор филологических наук, профессор

В 2017 году в Беларуси отметили 500-летие белорусского и восточнославянского книгопечатания. Отметили достойно, с соответствующим этому юбилею размахом, который обеспечивался разноплановой поддержкой властей на всех уровнях и сопровождался широким общественным резонансом. Но это вовсе не значит, что нам остается и дальше лишь триумфовать: ведь при оценке результатов, думается, больше пользы от здорового скепсиса и самокритичного взгляда на сделанное. Особенно такой подход актуален, когда речь идет о состоянии исследований жизни и деятельности главного виновника торжеств в честь юбилея книгопечатания – Франциска (Георгия) Скорины. А здесь у нас, как ни старайся оценивать помягче, дела далеко не идеальные, да и перспективы тоже в тумане.

Чтобы отклонить обвинения в излишней придирчивости, сразу уточню: хотя и не имею чести принадлежать непосредственно к корпорации профессиональных скориноведов, область их исследований воспринимаю как одну из самых приоритетных и, соответственно, показательных для отечественной гуманитарной науки. А потому ответственность за все пробелы и огрехи в этой научной сфере вовсе не склонен списывать только на узкий круг задействованных специалистов. Следует признать, что определенная доля вины лежит на всех ученых-гуманитариях, и на мне в том числе. Как раз это вынуждает всех нас теперь максимально мобилизовать име-

ющиеся силы и ресурсы ради устранения очевидных изъянов, а прежде всего – проявить традиционные для белорусов рассудительность и осмотрительность, а также и самокритичность.

Как ни досадно, но в массивном корпусе нашего скориноведения закрепилось недопустимо большое количество приукрашенных вольной беллетризацией стереотипов, которые по своей природе противоречат элементарным научным принципам, однако почему-то стали для нас опорными и незаменимыми. Уже разве что одни представители самого старшего поколения скориноведов помнят, когда эта сфера обогащалась существенными научными результатами, когда вводились в оборот неизвестные ранее документальные материалы, когда на основании серьезных обсуждений закреплялись новые выверенные сведения, когда вообще проходили плодотворные и действительно научные дискуссии... А средства массовой информации тем временем безоглядно распространяют фантастическо-приключенческие байки, якобы опирающиеся на «открытия» ученых, на самом же деле – на псевдодискуссионные версии популяризаторов-любителей. И это не случайно, потому что даже при освещении фактологической основы жизнеописания Скорины у нас, по давно установившейся привычке, чрезмерно частотными стали те модальные

ОБ АВТОРЕ

ЧАРОТА Иван Алексеевич.

Родился в 1952 году в д. Лыщики Кобринского района Брестской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета (1974). В 1974–1977 годах работал учителем в Полещкишской средней школе Вороновского района Гродненской области. С 1977 года работает на филологическом факультете БГУ: преподаватель, старший преподаватель, доцент. В 1994–2018 годах – заведующий кафедрой славистики (славянских литератур). С 2018 года – профессор кафедры теоретического и славянского литературоведения.

Доктор филологических наук (1998), профессор (1999). Академик Сербской Академии наук и искусств (2009), Международной Славянской Академии наук, образования, искусства и культуры (2012).

Автор нескольких десятков монографий и научно-популярных книг, более 600 литературно-критических публикаций, а также около 1000 переводов художественных произведений на белорусский, русский и сербский языки.

Сфера научных интересов: литература и культура славянских народов.

слова и выражения, которыми высказываются не более чем догадки и неаргументированные допущения: «возможно, вероятно, наверно, видимо, скорее всего, надо полагать, можно допустить...». К большому сожалению, именно так мы привыкли освещать вопросы, требующие максимальной точности и выверенности. Еще меньше бесспорного, не подлежащего сомнению, можно найти в тех выводах, которые зависят от подобным образом интерпретированной фактологии. Как правило, опять-таки по заведенному обычаю, они держатся разве что на отсылках к предшественникам, у которых найдено нечто созвучное: «соглашаясь с X.», «принимая убедительное рассуждение Y.», «по заслуживающему доверия мнению Z.», «как однозначно считал Q.»...

Доводится констатировать, что у нас до сих пор открытыми, окончательно не выясненными, а то и просто запутанными остаются практически все главные вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Скорины: годы рождения и смерти, вероисповедание, настоящее (полученное при крещении) имя, ближайшее научное, творческое и деловое окружение, основные цели задуманных и осуществленных дел, круг профессиональных интересов и непосредственной практики, предна-

значение изданных книг, конкретное содержание и суть переводческой (или составительской) работы, язык изданий и собственного творчества, места проживания и перемещения, определяющие связи с отечественными и зарубежными деятелями своего времени и т. д. Опять же, не странно ли то обстоятельство, что «белое пятно» покрывает именно последние десятилетия (!) жизни восточнославянского первопечатника? По признаниям даже самих активных скориноведов, образовались большие «напластования фактических ошибок», едва не целиком покрывшие реальную фактологию. Особенно дает о себе знать вот какая опасная тенденция: свои нынешние представления о состоянии общества, культуры, веры и духовности, письменности, языка, науки, Церкви и всего остального переносить на реальность полутысячелетней давности, перекраивая ту действительность в соответствии с лекалами нового времени, а при этом еще и вульгарно актуализируя. Примеры таких искажений даже перечислить невозможно. И все они обросли производными от нового времени стереотипами, которые обычно поддерживаются не менее стереотипными толкованиями, в том числе и категорически неприемлемыми

◀ Памятник Франциску (Георгию) Скорине в Полоцке, установленный в 1974 году. Снимок 1979 года

для науки – то, что не соответствует нашему пониманию, считать ошибками давних хронистов, писарей, граверов и печатников... Само собой разумеется, что расходящиеся мнения современных оппонентов тоже априори зачисляются в разряд ошибочных.

Короче говоря, мы сами сделали проблематичным даже прочтение ряда важных для научного скориноведения документов, не говоря уже об их интерпретировании. Причем едва ли не все такого рода проблемы стали глубокомысленно подавать как трудноразрешимые либо нерешаемые в принципе. Чтобы должным образом осозналась бесперспективность такого состояния, позволю себе вспомнить один чрезвычайно поучительный пример из личного опыта. Встретившись с коллегой, словацким профессором-математиком, которого давно не видел, я спросил о делах и услышал в ответ, что они идут неплохо – в частности, его студенты на престижной международной олимпиаде получили первую премию за решение своеобразной задачи... Я, естественно, поздравил коллегу. Но услышал уточнение: его заслуга здесь самая скромная, так как он своих студентов просто не предупреждал, что эту задачу решать не имеет смысла, поскольку она считается нерешаемой. Студенты же, не зная исходно о препятствии, преодолели его... А вот в нашем случае все делается наоборот. Почему-то нужно утверждать либо даже придумывать, будто бы имеем дело с нерешаемыми задачами, тогда как в действительности свет закрывают упомянутые выше стереотипы, нами самими широко распространенные и прочно уже закрепленные.

Под их воздействием из публикации в публикацию переносятся одни и те же сведения, большинство которых давно, если не от самых первых опытов белорусского скориноведения, требуют уточнений, основательного корректирования. Хотя бы потому, что они не способны выдерживать проверки даже элементарной логикой. Так, невозможно не обращать внимания на самую что ни есть очевидную алогичность в безапелляционно исполь-

зуемой современными скориноведами базовой (!) информации, которую обычно не пропускают школьники и студенты, задавая элементарные вопросы: «Почему же это знаменитого полочанина безо всяких объяснений и оговорок называют Франциском, если имя отца его – Лука, брата – Иван, сына – Симеон, племянника – Роман, родственников – Евхим и Савва, Васко и Еско?.. Так получается, что он не из семьи Скорин, не этого рода?!» Действительно, выходит, что Скорина вовсе не из того «дворыща, што в замьку Полацьком», что он никак не православный по крещению, ибо упомянутое «дворыще» находилось рядом с полоцким Софийским собором... И пока еще никто не доказал, что в Полоцке на момент рождения сына Луки были дополнительно такие храмы, в которых бы при крещении будущему восточнославянскому первопечатнику дали имя Франциск. Есть на этот счет лишь таинственные, однако не подкрепленные документальными сведениями, версии-загадки, наподобие вот такой: «Отметим еще тот факт, что еще перед Великой Отечественной войной бернардинец К. Кантак, который имел в своих руках многие отсутствующие сегодня документы, написал в своей солидной монографии, посвященной ордену бернардинцев, что одной из первых в Полоцке после прибытия туда из Вильна бернардинцев и основания ими костела в честь святого Франциска Ассизского и монастыря, «приняла католическое крещение семья Скорин». Там же будущий первопечатник учился, наверно, латыни».

То, что имя «Франциск» многократно использовалось самим Скориной в его изданиях, а также присутствует в официальных документах времени его жизни, оспаривать нет ни оснований, ни потребности. Однако следовало бы выяснить и убедительно обосновать, почему получилось так, а не иначе. Самим же по себе названным фактом никак не может отрицаться факт обязательного наличия крестного имени – причем, судя по всему, иного. Так из-за чего же это имя отобрано и в последнее время совсем игнорируется? По каким причи-

нам его сейчас упоминать перестали, и даже само использование крестного имени стало подаваться как некий маркер либо дремучей неосведомленности, либо сумасбродного нежелания поддерживать курс «передовой науки», приоритеты которой обусловлены ориентацией на «европейскость»?

Примерно то же самое можно сказать об освещении роли православной среды в жизни нашего знаменитого земляка. И она затушевана, мглой укрыта почти полностью. Так, что реальных исторических фигур практически не видать. В последнее время несравнимо большее внимание привлекается к деятелям «законодательной» во всем Европы – Иоганн Гутенберг, Леон Баттиста Альберти, Эразм Роттердамский, Николай Кузанский, Джованни Пико делла Мирандола, Марсилио Фичино, Швайпольт Фиоль, Филипп фон Гогенхайм (Парацельс), а еще Ян Амицинус, Ганс Вайнрайх, Ян Гус, Ян Иснер, Ян Камп, Николай Коперник, Иероним Пражский, Примож Трубар, Эразм Вителлий, Андрей Волян, Станиславас Раполионис... Что ж, и выход на эти личности для освещения общей панорамы вполне может быть нужным. Но разве не является приоритетным обстоятельное выяснение роли конкретных личностей из близкого окружения Скорины – тех, кто имел непосредственное отношение к его делам? Налицо все же определенная тенденция, которую нельзя не заметить.

В частности, странно, почему энциклопедический справочник «Франциск Скорина и его время» не содержит даже упоминания, весьма существенного для реконструкции подробного жизнеописания первопечатника, что «воевода троцкий, гетман наш, староста брянс(лавский) и вениц(кий) Князь Константин Иванович Острожский» присутствовал в числе тех, из кого состояла «панове рада» при положительном решении судом имущественного дела «о дом в месте Виленском и о иные речи». Как-никак, а в этом документе с редкой для скориноведческих материалов конкретностью засвидетельствовано, что там и тогда «доктор Францыш-ко от жоны своее молвил и покладал...

выпис с книг права гайного...». Хотя при этом сам документ в соответствующем разделе справочника помещен, и даже статья о князе Острожском – правда, без упоминания о его непосредственной причастности к судьбе Скорины – тоже имеется. А ведь о том, что конкретные дела этих личностей гипотетически пересекаются, писалось не однажды. В том числе предполагалось и такое: «Зато в изданиях Скорины, безусловно, был заинтересован Константин Острожский. Думается, что он мог существенно повлиять на решение белорусского первопечатника перенести свой станок из Праги в Вильно (годы возвышения Острожского и годы выхода «Малой подорожной книжки» совпадают»).

Или возьмем, например, иную информацию, которая пока что не вызывала ни особых возражений, ни уточнений, и ее повторяют неизменно в качестве однозначной без надлежащего обоснования. Касается это дел Скорины как переводчика Библии. Многие из тех, кто затрагивал данный аспект, опять же безапелляционно и бездоказательно высказывают мнение, что Скорина перевел, а не только издал, все книги Ветхого Завета. Между тем не лишне было бы рассудить или хотя бы как-то прикинуть, во-первых, сколько же времени требуется на такой перевод, а во-вторых, на какой период известной нам биографии Скорины это время должно было приходиться. Весьма кстати здесь еще дополнительно уточнить, что речь идет о переводе не лишь бы каких текстов, а Священного Писания! Чтобы хоть как-то приблизиться к пониманию сути вещей, сравним: подобную работу «семьдесят толковников» выполняли на протяжении III–II столетий до Рождества Христова; Иеронимом Стридонским (неизвестно, одним ли) в IV–V веках после Р. Х. латинский перевод Ветхого Завета осуществлялся около пятнадцати лет; Скоринин современник Мартин Лютер (судя по всему, с помощниками) на немецкий язык переводил Ветхий Завет не менее десяти лет...

А вот наш прославленный земляк смог выполнить такую исключительно слож-

ную и объемную работу по библейскому переводу за поразительно краткий срок? Причем, помимо этого, как у нас обычно утверждается, он самолично успел написать внушительное количество предисловий и послесловий, плюс акафистов, к тому же сам сумел выполнить свой знаменитый портрет, многочисленные гравюры и многое-многое иное? Да все это, как у нас пишется, параллельно с учебой и самоотверженным «повышением научной квалификации» в нескольких сферах, а в придачу и с лекарской практикой, и с художественным творчеством, и с типографско-предпринимательскими делами? Собственно, невыверенность затронутой информации сочетается еще с одним вопросом, также очень запутанным: что послужило оригиналом для перевода (какой письменный свод или печатное издание), то есть с какого конкретно языка и на какой переводил наш Скорина? Корректного ответа на него так и нет. Есть только произвольные, мифологизированные версии.

Для многих некорректностей, как правило, находятся оправдания. Частично понятные. Скажем, никуда теперь нам не спрятаться от того, что в свое время все подчинялось идеологии атеизма и определенные темы оказывались под запретом либо освещались в соответствии с воинственно безбожническими установками. Научные кадры, понятно, формировались и воспитывались под тем же влиянием. Однако директивно-генеральной идеологической линией советского периода объясняется далеко не все. Скажем, православность Скорины по происхождению и крещению признавалась как до Октябрьской революции (А. Викторовым, П. Владимировым, Е. Карским, М. Круповичем, А. Петрушевичем, А. Ярушевичем), так и после Октября, вплоть до самой «перестройки» и наших дней (М. Горецким, А. Флоровским, В. Зайцевым, В. Чапко, М. Прашковичем, В. Аниченко, В. Дышиневиц, прот. М. Уляхиным, В. Агиевичем, прот. С. Гордуном). Что же касается крестного имени Георгий (наравне с другим – Франциск), то оно было возвращено как раз в советское вре-

мя, после Великой Отечественной войны, а в 1967 году специальным постановлением бюро Отделения общественных наук АН БССР даже «узаконено».

Однако позднее, в годы «перестройки», его снова отняли. Хорошо еще, что имя Георгий осталось-таки во многих произведениях художественной литературы и в названиях произведений изобразительного искусства. А впоследствии придется со стыдом вспоминать, как совсем недавно безо всяких оснований его заменили даже в особо значимом напоминании – подписи на памятнике (авторства А. Глебова) в родном для Скорины Полоцке. И где же на этот раз мнение ученых?

Правды ради нужно отметить, что не все из них с таким отношением к имени соглашались. Как жестокую несправедливость эту труднообъяснимую тенденцию воспринял, например, В. Агиевич, один из самых преданных скориноведению исследователей конца XX – начала XXI века. Он пытался, где только мог, противостоять этому; упорно искал союзников и, в частности, обращался за помощью к Митрополиту Филарету с официальным письмом. А главным средством поиска и объяснения истины для Владимира Владимировича были собственные статьи и книги, которые он, упорный полемист, неизменно посвящал самым заметным противоречиям в сфере скориноведения. Его публикации всегда содержали скрупулезный разбор запутанных моментов, а также подробное обоснование возможностей снять вопросы, которые бесосновательно заносятся в разряд спорных либо совсем нерешаемых.

В связи с конкретным предметом нашего разговора особого внимания заслуживает книга В. Агиевича «Имя и дело Скорины: В чьих руках наследие». Поскольку высказанное в ней сущностно расходилось со многими взглядами, которые стали доминировать в позициях подавляющего большинства скориноведов, то оно не принималось и до сих пор не принимается. А, на наш взгляд, сейчас весьма полезно было бы вернуть работы В. Агиевича в активный научный

оборот и прочитать их внимательно, без предубеждения. Конечно же, с надлежащей критичностью.

Стоит отметить, хотя бы мимоходом, что вовсе не случайно было нами упомянуто обращение В. Агиевича к Православной церкви, позицию которой по многим вопросам, касающимся Скорины, научная среда должна, по меньшей мере, принимать к сведению. А не обходиться только возражениями «лукавыми», рассчитанными на современное секуляризованное сознание: мол, Скорина своей деятельностью засвидетельствовал толерантность ко всем конфессиям, а вот Русская православная церковь отнеслась враждебно к его изданиям; поэтому сейчас привязывать его к традиции этой Церкви – неправильно... Если руководствоваться такой логикой, то так же неправильно привязывать его ко всем духовно-культурным традициям рода и народа, в том числе к коренной (бело)русскости, к славянскости... И в этом случае мало что меняют оговорки, будто бы так делают ради предосторожности, распространяя одинаковый подход на все конфессии, ибо каждая из них может «тянуть одеяло на себя». Вообще, может. Однако не должна – Бога боясь. А вот конкретные предпосылки и обстоятельства издания религиозных книг без учета доминирующей религии как определяющего фактора рассматривать просто нельзя. Исходно, по определению, не представляется возможным. Так же, как температуру больного человека невозможно измерить без медицинского термометра.

Думается, пришла пора выработать объективный взгляд на Скорину, преодолевая как советское безбожничество, так и постсоветскую псевдотолерантную секулярность, не принимая на веру стереотипы, какую бы степень распространенности ни имели они. И, разумеется, пришло время не бояться пополнить новое издание упомянутого энциклопедического справочника многоаспектной статьей «Религия» или «Вероисповедание», отсутствие каковой очень уж бросается в глаза.

Понятно, все новации должны тоже как следует взвешиваться, выверяться, сопровождаться научными дискуссиями с надлежащей аргументацией. Особенно тогда, когда они представляются неожиданными. А в современном белорусском скориноведении таковыми считать можно едва ли не все мнения, противоречащие введенным в оборот ранее.

Именно на такой, действительно неожиданный для наших скориноведческих представлений, материал мне хотелось бы обратить внимание, и как раз для этого пришлось предварительно излагать свой взгляд на состояние наших общих знаний о Скорине.

А тут целая история, которую придется рассказать.

В 2014 году на празднование Дня белорусской письменности к нам приехал из Молдовы Юрий Васильевич Иванов. Меня с ним познакомили еще накануне праздника, перед круглым столом зарубежных писателей. И на протяжении трех дней, совместно проведенных в Минске и Заславле, я ходил буквально ошеломленный тем, что услышал от этого человека: дескать, ему в наследство достались уникальные толковинские (?) рукописи, которые содержат надежные сведения о пребывании на землях нынешней Молдовы нашего земляка – книгопечатника Юрги (!) Скорины Полоцкого... Искренне признаюсь, услышанному я тогда не поверил. Правда, учитывая то, что в рассказах моего нового знакомого как объекты внимания, помимо Скорины, фигурировали также преподобная Евфросиния, игуменья Полоцкая, и Все-слав (Чародей), князь полоцкий, я решил познакомиться нашего гостя с епископом Вениамином, который на тот момент был председателем Издательского совета Белорусской православной церкви и викарием Минской епархии.

Представляя Ю. Иванова, я вкратце пересказал основное содержание его сенсационной информации. Судя по всему, владыку она тоже весьма заинтересовала. Но, как нетрудно было заметить, у досточтимого епископа не складывалось ощущение, что все это правда. У меня его

тоже определенно не было. Естественно, услышанное о Скорине я все время старался связывать, соотносить с тем, что знал прежде. Но ничего не получалось – новые сведения так и оставались в пространстве невероятного, а сомнения нагромождались чем дальше, тем больше. В частности, сильно смущало то, что личностями, предопределявшими судьбу Скорины, согласно рассказам Ю. Иванова, оказывались представители рода сербских властителей Бранковичей.

Дело в том, что основателю этого рода, Вуку Бранковичу, сербский народный эпос приписывает предательство в печально знаменитой Косовской битве, и такой обесславленный образ пронесен через столетия. Собственно, историографические подтверждения измены отсутствуют; к тому же позднее из этого рода вышли святые, канонизированные церковью личности. Но все же, все же, все же...

Между тем целых три дня обсуждая сомнительные моменты в сюжетах пока что фата-морганических для меня рукописей, я все-таки сблизился с коллегой. В конце концов мы обменялись адресами, договорившись вместе поработать над материалами, владельцем которых он является.

Юрий Васильевич оказался довольно активным корреспондентом: присылал свои опубликованные и подготовленные к печати статьи по истории рода и родного края, заметки о толковинской мифологии. Благодаря им, в дополнение к услышанному устно, я получил возможность составить хоть какие-то представления о толковинстве, ранее совершенно не известном. Принял к сведению, что это славянская духовно-культурная традиция, зародившаяся в глуби веков и продолжавшаяся вплоть до середины XX столетия; правда, в последнее время под воздействием разных обстоятельств стала замкнутой, почти тайной. А сейчас она исчезает, ибо на данный момент Ю. Иванов является фактически единственным в какой-то степени осведомленным ее носителем. Разумеется, это мне подбрасывало дополнительные сомнения: такое

вот странное стечение обстоятельств и условий, когда все сошлось на личности моего нового знакомого...

Однако вместе с Юрием Васильевичем я искренне сожалел, что конкретная сущность и историческое значение толковинства как явления остаются неисследованными, совсем не изученными. В частности, только из публикаций Ю. Иванова можно узнать, что оно сыграло исключительно важную роль в жизни русинов Молдовы, поддерживая соответствующее русинским традициям просвещение, сохраняя сознание о славянской общности и единстве, в том числе выразительно фиксируя и «белорусский вектор».

Определенные сведения о толковинстве действительно впечатляли. Проверять их научную корректность и обоснованность я не имел времени, поэтому принял на веру, что толковины упоминаются еще славным летописцем Нестором и анонимным автором «Слова о полку Игореве», что в этимологии самого этого именованного присутствуют, вероятнее всего, значения рус(ин)ских слов «толк» и «толока» (место собраний, вече)...

Потом наше сотрудничество по зависящим от меня обстоятельствам прервалось на некоторое время. Но как только я вернулся в рабочую колею, сразу же предложил коллеге из Молдовы сосредоточиться на «толковинской Скориниане» – объективно требовалось, чтобы он дал вводные, общеознакомительные сведения о тех рукописях, которые достались ему в наследство; для нашей совместной работы нужны были копии хотя бы самых важных страниц и соответствующие выписки; а поскольку их язык вряд ли понятен современному читателю, то, по крайней мере, выписки должны быть переведены на современный русский...

Довольно быстро Ю. Иванов это выполнил и прислал требуемое. Так у меня оказались копии трех страниц рукописи и перевод двух фрагментов размещенного на них текста. Вот я и начал, как мог, осмысливать полученный материал, а главное – преодолевать недоверие, все еще присутствовавшее.

(Окончание следует) ▀

Не прятаться от истины

(Окончание. Начало в № 7 за 2019 год)

Иван ЧАРОТА, доктор филологических наук, профессор

Объективно мое суждение или субъективно, это, надеюсь, выяснится позднее, с участием коллективного разума. А пока свою скромную задачу вижу в том, чтобы ознакомить читателей с конкретными результатами сотрудничества с Ю. Ивановым. И прежде всего процитируем прилагаемую им «историческо-источниковедческую» справку: «Эти тексты с частью семейного архива достались мне наследственно в 1981 году от моего деда по отцовской линии, жителя села Нагораны Ришканского района Молдавской ССР Иванова Василия Константиновича (1906–1980). В свою очередь, к В.К. Иванову архив перешел как наследство в начале 30-х годов прошлого столетия от его отца, Иванова Константина Тимофеевича (1881–1933) и деда по материнской линии Ротаря Якова Дмитриевича (1851–1930), жителей села Нагораны Бельцкого уезда Бессарабской губернии. Архив являлся родовым, принадлежал великим толковинам Молдавии, накапливаясь на протяжении многих лет и столетий. Я.Д. Ротарь и

К.Т. Иванов были последними великими толковинами Молдавской земли».

А теперь постараемся рассмотреть присланные копии. Первая из них – это лицевая сторона листа. Здесь из нескольких изображений скомпонована целая картина. Главными являются профильные фигуры двух мужчин на одинаковых или похожих креслах. Они сидят лицами друг к другу, под условным рисунком солнца. Слева, с короной на голове, – великий толковин, справа, в шапке с пером, – Скорина. Именно это засвидетельствовано надписями над их головами: «Великий Толковин Твердобой» и «Юрга Скорина Палацкий». Между названными двумя фигурами нарисована стопка книг (нельзя определить, печатные они или рукописные) на невысокой подставке. Кстати, в смысле написанного нужно еще разбираться. Перевод Ю. Иванову пока удалось сделать только приблизительный. Но текст, помещенный в рамке под рисунками, имеет примерно такое содержание: «И были Великие Гоны Великого Ра-Тата на Великую Капу в четырнадцать тысяч пятьсот двадцатом году Великих Даров. И прибыл в Великие Расконы Нагораны к Великому Толковину Твердобой от господаря Великой Земли Молдавской и Сучавского и Сиретского края Петруча Штэхвана (-ова?), весьма умелый и опытный мастер по печатанию добрых книг Юрга Скорина Палацкий».

Ю. Иванов пояснил, что названная здесь дата «в четырнадцать тысяч пятьсот двадцатом году Великих Даров» дана по толковинскому летоисчислению и соответствует 1542 году от Рождества Христова.

Вторая копия – это оборотная сторона того же листа. В рамке написано:

ОБ АВТОРЕ

ЧАРОТА Иван Алексеевич.

Родился в 1952 году в д. Лышики Кобринского района Брестской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета (1974). В 1974–1977 годах работал учителем в Полецкишской средней школе Вороновского района Гродненской области. С 1977 года работает на филологическом факультете БГУ: преподаватель, старший преподаватель, доцент. В 1994–2018 годах – заведующий кафедрой славистики (славянских литератур). С 2018 года – профессор кафедры теоретического и славянского литературоведения.

Доктор филологических наук (1998), профессор (1999). Академик Сербской Академии наук и искусств (2009), Международной Славянской Академии наук, образования, искусства и культуры (2012).

Автор нескольких десятков монографий и научно-популярных книг, более 600 литературно-критических публикаций, а также около 1000 переводов художественных произведений на белорусский, русский и сербский языки.

Сфера научных интересов: литература и культура славянских народов.

«Великая Чира Синявая – гоны нашего Великога Ра-Отца на Капа Великая, блестящая и яркая». А вот его текст имеет для нас особую важность, поскольку в нем повторяется имя Скорины и, помимо того, конкретно указывается причина его нахождения на молдавских землях: «И был Юрга Скорина Палацкий в Великой Сучаве и Земле Молдавской, поскольку пригласила его из Праги Чешской добрая властительница Молдавская Елена Сербская – любимая жена великого властителя господара Петра Стефановича. Ибо дала она себе зарок (обет), что напечатает красивые и яркие писания о своих великих предках: Иоанне Бранковиче – великом властителе и господаре Сербском, о его великих родителях – Стефане Бранковиче, великом властителе и господаре Сербском, и его святой жене, великой властительнице Ангелине Сербской, и о всем ее властительском

▼ Лицевая сторона листа с рисунком

роде (Бранковичей), который унизили и (на который) возвели великий поклеп (ложь), несправедливость и обиду проклятые и безумные турки».

У нашего с Юрием Васильевичем сотрудничества получилось довольно неожиданное продолжение: в феврале 2017 года он приехал на писательский форум в рамках Минской книжной ярмарки-выставки и привез оригиналы тех текстов, о которых мне рассказывал и писал. Таким образом, я получил возможность подержать их в своих руках. В любом случае могу засвидетельствовать: эта рукопись, выполненная черным и цветными грифелями на бумаге, выглядит старой, но давность ее происхождения без специального анализа определить непросто; водяные знаки не обнаруживаются...

Впрочем, как бы ни было, поскольку хоть что-то удалось эмпирически уяснить самому, то появлялось уже моральное право делиться с другими хотя бы впечатлениями от загадочных рукописей. Что я и сделал на нескольких научных конференциях. После этого, когда «наполнилась слухами земля», многие стали звонить и при встречах расспрашивать о «сенсационной находке».

Жанр данной публикации не позволяет основательно рассмотреть все выявленное, а тем более развернуто прокомментировать его. Поэтому позволим себе пока что ограничиться выдержками из электронных писем Ю. Иванова после посещения им Минска: «Успел покопаться в архиве и нашел, на данный момент, еще три документа. Один – продолжение разговора Скорины с молдавской княгиней Еленой Сербиянкой. Кстати, в нем говорится о победе сербов на Косовом поле благодаря мужеству самого Вука Бранковича и стойкости его воинов. Второй – о прибытии Скорины в 1520 (!) году в столицу Молдавского княжества. Третий – о спешном бегстве Юрги Луки Франтишка Скорины Полоцкого из Праги в Молдавию в 1550 году».

Еще: «Нашел сведения о смерти Скорины в сказании (пока еще не перевел); если соотносить с календарем от

Р[ождства] Х[ристов], произошло это 22 сентября 1572 года в нынешних Рышканах; приблизительно место захоронения я знаю, соответственно документу и тому, что успел в конце [19]70-х показать мой дед. Между прочим, тогда там был прямоугольный камень-стол с надписями и знаком Скорины – месяц, который закрывает солнце».

Последнее из тех писем Юрия Васильевича как бы подводило итоги его поисков и содержало следующее: «Имеется шесть листов толковинской летописи о пребывании и деятельности Скорины в Молдавском княжестве в 1520, 1542 и 1550 годах. На данный момент мной выявлены также восемь листов толковинского сказания «Путешествия Великого Юрги Палацкого по Великой Земле Траяна». В них говорится о деятельности Скорины в Молдавии после 1550 года и до 22 сентября 1572 года, когда он умер. А еще у меня есть несколько десятков листов копий, в свое время мной снятых с оригиналов, которые, по утверждениям моих сродников, были напечатаны Скориной в Молдавии... Они хотя и не оригиналы, но все же образцы печатнической работы Скорины в молдавский период. Не отысканы мной до сих пор: 1. Свидетельства толковинских летописей о встрече Скорины с Иваном Федоровым, восточнорусским первопечатником, в средневековых Расконах, незадолго до смерти Скорины. 2. Толковинское сказание о путешествии Скорины на Восток, на Святую Землю, в Персию и в Индию! В начале 1980-х годов я их держал в своих руках».

Разумеется, такая информация – будто снег на голову в теплое лето. Поэтому нужно было, по крайней мере, уравновесить свои представления и вспомнить если не об аналогичном, то имеющем близкую направленность. А такое было известно и ране – только почему-то, вроде, не замечено и надлежащим образом не учтено. Значит, есть необходимость также другим напомнить. Себе же это нужно для исходной предосторожности: коль есть сомнения, что материалы, о которых мы ведем речь, по природе своей не являются мистификацией ти-

па «Краледворской рукописи» чешских родолюбив... Так или иначе, есть смысл обратиться к давно известному.

Пятьдесят лет назад русский ученый-славист А. Флоровский, изучая распространение наследия Скорины, поделился своими размышлениями: «...Теперь перед исследователями Скорины встала новая неожиданная задача – осмыслить и исследовать новую находку, которая является пока что загадкой. Дело в том, что в 1960 и 1962 гг. ученым стали доступны новые, весьма краткие записи о Скорине, в которых он называется «secretaries regis Datie» или «Daciae»... Необходимо заметить, что мне еще в 1937 г. было известно это обозначение Скорины как секретаря короля «Дакии» («Daciae», варианта «Datie» я не знал). Но мне тогда было неловко публиковать этот акт. Я ждал, когда его напечатает та особа, которая его первоначально выявила. Дело в том, что как-то осенью 1937 г. профессор Этторе Ло Гатто показал мне в профессорском читальном зале Карлова университета в Праге рукопись небольшой статьи, которую ему предложили напечатать в журнале «L'Europa Orientale». Профессор спросил тогда у меня, известны ли в печати приведенные в этой статье падуанские акты. Среди текстов, с которыми мне здесь же довелось бегло ознакомиться, находился ранее незнакомый текст с обозначением (того), что сейчас нас интересует. Я считал, что в ближайшее время акт этот будет напечатан, поэтому ни в одной из своих работ о Скорине 1938–1946 гг. не делал ссылок на этот интересный документ, ибо считал, что приоритет нашедшего материал должен быть сохранен. Акт этот, однако, настолько привлек мое внимание, что я тогда же предпринял меры, чтобы навести предварительные справки для себя лично и осмыслить исключительно интересную находку».

Находка действительно была чрезвычайно интересной и не могла оставаться без внимания ученого, а исходно складывавшееся объяснение сути ее посредством связи с «Дакией» являлось наиболее логичным. К сожалению, и эта версия, и ее носители, как и Этторе Ло Гатто, редактор

выходившего в Италии славистического журнала, которому предлагалось напечатать такой чрезвычайно интересный материал, из поля внимания как будто исчезли. На процитированное выше свидетельство А. Флоровского реакций наших скориноведов не последовало. А вот в эмигрантской печати интерес к этому вопросу, определенно требовавшему научного освещения, все-таки проявлялся. Собственно, даже историю привлечшего нас вопроса в его дихотомичности – и «датском», и «молдавско-румынском» планах – можно проследить по материалам опубликованной в конце 1980-х годов переписки Антона Флоровского с белорусским эмигрантским историком Витовтом Тумашем. Оказывается, что тень «датского короля» вызвана именно Тумашем, который в письме от 25 января 1966 года сообщал: «Текст новонайденной падуанской актовой записи (обнаруженной еще в 1960 году во время поисков «скоринианы» в Падуе, которые были проведены по моей просьбе г. Я. Садовским) с подробным рассмотрением текста и комментариями подготовлены также к печати...».

А. Флоровский, со своей стороны, изложив то, что цитировалось нами выше, и упомянув о своих попытках выяснить суть дела, сообщил: «На мои запросы профессор Панаитеску в Букареште ответил, что в румынских документах нет ничего о Скорине, и что могла бы идти речь о князе Н. Бессарабе, хотя он никогда не называл себя «гех». С другой стороны, Гос. Архив в Копенгагене сообщил мне, что в датских актах 1507–1512 гг. нет никаких указаний о Скорине».

При всем этом, пожалуй, не только из вежливости Флоровский отмечал значимость новой версии: «Тем ценнее Ваше открытие, что Скорина был секретарем короля Ганса и что он учился в Копенгагене. С нетерпением жду издания этого текста, который так интересно расширяет наши сведения о Скорине». А спустя некоторое время посетовал: «Ваше письмо от 25.1.1966 своевременно получил и с нетерпением и самым живым интересом жду отиска Вашей статьи о Скорине. Но до сегодняшнего дня Ваша статья

до меня не дошла! Кстати, Вы в первом же письме ко мне писали, что Скорина изучал медицину (очевидно, до Падуи) в **Дании** (выделено автором. – И. Ч.). В каком именно университете? Откуда Вы имеете эти сведения? И может быть можно было бы навести дополнительно справку в архиве в Копенгагене, возможно, что там сохранились списки студентов начала XVI века».

Как и должно было произойти, Флоровский не ограничился рекомендациями, а начал свое собственное разбирательство – обратился к ректору Копенгагенского университета с просьбой поискать списки студентов соответствующего периода. И вновь получил отрицательный ответ...

Но в поисках надежных сведений он придерживался все-таки других ориентиров: «У меня все же в голове вертится, что надо бы подумать о возможности связей Скорины и еще с Молдавией и Валахией...». И свои доводы пражский профессор повторял более настойчиво, чем вежливо. Впрочем, В. Тумаша, если судить по одному из его писем, тоже одолевали сомнения: «Что касается возможности связать Скорину с Молдавией и Валахией – лет пять тому думал я, не поискать ли следов Скорины и на землях старой «римской Дации». Потом эту мысль отбросил из-за нескольких соображений, а главное потому, что если бы в «римской Дации» Скорина пребывал перед своим приездом в Падую в 1512 году, то невозможно тогда выяснить, где, в каком университете изучал он в это время медицину, ибо же университетов ни в Молдавии, ни в Валахии, кажется, не было. Из-за этого, мне казалось, такое направление поисков – слепой тор, хотя, конечно же, в жизнеописании такого решительного, подвижного человека, как Скорина, могут быть и вещи, на наш взгляд, и совсем «нелогичные».

Собственно, здесь в качестве главного контраргумента присутствует не что иное, как субъективное опасение В. Тумаша разрушить привычную схему и, соответственно, категорическое нежелание этого. Упомянутые же колебания склоняют его в последующем письме

делиться плодами своих произвольных фантазий: «1512 год, когда в Падуе докторировался «секретарь короля Дации», в Италии – апогей Ренессанса с увлечением античной культурой, историей, терминологией. Тогда и папу римского часто называли не «Наместником Христа», а «Pontifex Maximus». При такой моде на античность и Дация (в) падуанской актовой записи, возможно, обычная ренессансная метафора, под которой может быть скрыта любая страна, расположенная где-то приблизительно в стороне старой римской Дации, независимо от того, в действительности ли ее тогда так официально называли или нет. В числе их могла быть и Венгрия, а даже и Чехия. Поскольку же королем Венгрии был тогда Владислав Ягайлович, может, это он и назван «королем Дации»? Это вело бы нас к той самой «Золотой Праге», где Скорина был дважды и позднее...».

В. Тумаш, конечно же, не мог не осознавать, что подобная логика напрямую вела к выводу, что такой страной, находящейся «где-то приблизительно в стороне», с одинаковым результатом можно было назвать и саму Польшу вместе с ВКЛ. Тем не менее он продолжал стоять на своем: «...Если бы даже и все поиски следов Скорины в Дании оказались негативными, Дания останется и далее Скориновой Данией до тех пор, пока кто-то конкретно, на доводах, не покажет, о какой иной «Дации» здесь может идти речь».

К сожалению, так и получилось. Поэтому, что «конкретно, на доводах» никто из белорусских скориноведов даже не брался показывать-доказывать, что эта версия шита белыми нитками. За редкими исключениями, среди которых – многоопытный в обращении с документами А. Мальдис, осторожно писавший о Скорине, что тот «исполнял ответственную должность секретаря датского короля (или валахского князя)».

Что же касается материалов Ю. Иванова, то по отношению к ним все признаки именно «дакийской версии» не просто упоминаются, но и вполне сносно увязываются в некую целостность: Дакия (лат. Dacia) – провинция, присоединен-

ная Траяном к Римской империи в начале II века нашей эры. Границы ее, в пределах Прута, Тисы, Днестра, Дуная и Карпат, охватывали значительную часть современных Румынии и Молдовы, включая и пограничную с Румынией северо-западную часть, где находятся Рышканы, а также часть Сербии... Хотя и непросто, но концы все-таки сходятся.

Кстати, с XIII–XIV веков на территории нынешних Румынии и Молдовы значительную часть населения составляли сербы, что вовсе не является новостью. Да и в современном академическом словаре топонимов Румынии указывается два с половиной десятка населенных пунктов, имеющих в названии основу -sirbi-. Об этом, например, убедительно говорит современный сербский социолог профессор З. Милошевич. Он ссылается на исследователя начала XX века Илие Барбулеску, которого аттестует как «румына». Так вот,

▼ Обратная сторона того же листа

названный им ученый в свое время писал о том, что валахская и молдавская знать роднилась со знатью сербской начиная с короля Сербии Стефана Милутина, жена того на валашке. А об интересующем нас времени в конкретном аспекте сообщает: на протяжении XVI века (сведения относятся к 1558 году) из Западной Малороссии... присылали юношей в Молдавию «учиться сербскому церковному пению» и, конечно же, сербскому литературному языку. В то время и в Валахии, и в Молдавии, и в Эрделе (Трансильвании) язык назывался славянским, или сербским.

Ну, а для белорусов не менее убедительными должны быть те косвенные подтверждения той же историографической позиции, которые содержит одна из публикаций полуторавековой давности, посвященных весьма влиятельно-

му в ВКЛ роду сербского происхождения Деспот-Зеновичей-Братошинских. В ней на вопрос, «почему Зеновичи называются Деспотами-Братошинскими (из Братошина)», дан следующий ответ: «Братошина нет ни в Литве, ни на Руси, между тем как в Молдавии (здесь и далее в цитате подчеркивание автора. – И. Ч.) встречаем не раз такие названия, как Ботушани, Ботошаны, Братушани, даже и фамилию Братушины.

Между тем по гербовникам (Коялович, Яблоновский, Окольский), предок Зеновичей был братом молдавского воеводы и вместе с ним правил. Во время же нашествия Тамерлана на Бессарабию (1395) он бежал в Литву, где и остался. Отсюда вероятное предположение, не были ли предок Зеновичей деспотом в Братушанах во второй половине XIV века».

Кстати, связи между Сербией и Молдавией (а также Западной Русью) в XV веке показательно иллюстрируются географическими координатами жизни и деятельности Григория Цамблака, которого князь Витовт поставил на митрополичью кафедру в Новогрудке и которому принадлежит заметная роль в истории православия нескольких современных народов. Не претендуя на охват всей географии его жития, обозначим лишь точки, непосредственно связанные с нашим вопросом: Сучава («Молдовлахийская церковь») – монастырь Дечаны (Сербия) – Киев – Новогрудок (Юго-Западная Русь). К тому же существует версия, что Цамблак и закончил свой земной путь в одном из молдавско-валахийских монастырей.

Нельзя не учитывать и еще одно обстоятельство, которое может служить дополнительным подтверждением «молдавско-валахийской версии»: Валахия и Молдавия в XVI веке реально были для сербов территорией, где продолжалось, получив развитие, их книгоиздательство, что общеизвестно. И отнюдь не случайно белорусский исследователь Е. Немировский в своей статье «Макарий (Masagie)», помещенной в энциклопедическом справочнике «Францыск Скарына і яго час», указывает – хотя и без твердой

▼ Следующий лист документа

уверенности – на связь Скорины с деятельностью известного сербского печатника Макария. Правда, в справочнике помещаются статьи о двух Макариях, один из которых определяется как первопечатник румынский, а другой – как черногорский. Но это обусловлено, пожалуй, недосмотром и автора, и редакторов издания, поскольку во втором материале имя написано с явными ошибками, в обоих случаях годы жизни указываются как неизвестные, что не совсем так, а содержание помещенных рядом статей сопрягается одно с другим.

При всем этом для нас принципиально значимо суждение, которое высказано Е. Немировским по отношению к Макарию «румынскому» в связи с вопросом о «секретаре короля Дакии»: «Возможно, в этом случае идет речь о какой-то влиятельной личности Валахии или Молдавии. Если это действительно так, можно считать, что С(корина) усвоил типографскую технику в типографии Макария». Со своей стороны подчеркнем, что в обеих статьях упоминается Джурдже Црноевич, а в нами цитированной еще и род Бранковичей, которые фигурируют в текстах, принадлежащих Ю. Иванову. Так что у нас появляются вполне определенные основания внимательнее отнестись к сербско-черногорско-молдавскому аспекту. Тем более что на вероятность связи издательских дел Скорины с Макарием и еще одним сербом – Божидаром Вуковичем, а также с «территорией современных Румынии и Молдовы» указывает и Александр Наумов – профессор Краковского и Венецианского университетов, на данный момент, пожалуй, самый авторитетный скориновед Польши.

Отбирая из доступных источников сведения, касающиеся иеромонаха Макария и потенциально соотносимые с издательскими делами Скорины, особо следует выделить следующее: благодаря этому сербскому первопечатнику в цетиньской типографии Джурдже Црноевича вышли книги «Октоих первогласник», «Октоих пятогласник», «Псалтырь с последованием» и «Требник»; причем осуществлено это в 1493–1495 годы, т. е. за

два десятилетия до скорининских изданий. Известно также, что после 1499 года Макарий покинул Зету-Черногорию и перебрался в Валахию, где продолжил заниматься книгопечатанием. Кстати, упомянутый выше И. Барбулеску видит судьбу сербского первопечатника вот в каком контексте: «В начале XVI века Михна воевода, который митрополита серба Максима послал с дипломатической миссией к королю угорскому Жигмунду, судя по всему, позвал с Цетинья и серба Макария, для печатания церковных книг, а тот, как оказывается, достиг позднее достоинства митрополита страны».

Поиски дают возможность уточнить кое-что и относительно Бранковичей. Так, в обстоятельном исследовании, посвященном истории этого рода, подтверждаются сведения о пребывании Ангелины, вдовы деспота Стефана Бранковича, с сыном Максимом (Джураджем) в Валахии, под покровительством воеводы Йована Радула IV «Великого». Более того, в составленных А. Ивичем, а также М. Спремичем родословах как представительница одной из ветвей рода называется и Елена, при имени которой указывается (как ее супруг) Петр IV Рареш, господарь молдавский на протяжении 1527–1538 и 1541–1546 годов, который, кстати, в 1542 году посылал в Москву своих послов с целью заключения союза. Короче говоря, для дальнейшего исследования затронутого нами вопроса определенно имеются немалые возможности.

Однако недоверие к материалам Ю. Иванова, о которых мы повели речь, все равно может сохраняться. Чтобы развеять его, остается разве что найти аргументированный ответ на нехитрый вопрос: «Какая же польза могла быть кому-то в Молдавии от присвоения нашего Георгия (Франциска) Скорины?»

Ну а если пытаться обобщить все, о чем у нас шел разговор, то уместно прозвучит мудрое высказывание: «Мы живем во время, когда Истина уже не спрятана от людей. Но теперь люди от нее прячутся». Поэтому в завершение хотелось бы предложить: давайте не будем прятаться от Истины! ▀